

Лозина-Лозинский Алексей Константинович

Противоречия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Константинович Л.**
Противоречия / Лозина-Лозинский Алексей Константинович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 98 с.

ISBN 978-5-519-93768-9

ISBN 978-5-519-93768-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЪ АѢИНАХЪ.

О добродѣтели и о вешей натурѣ
Платоникъ съ циникомъ бесѣдовали строго.
Акрополь вырѣзался на лазури
И солнца много-много . . .

Платоникъ началъ свой словесный поединокъ:
„Не думаешь-ли ты, что то, что кругло—кругло?“
Шла дѣвушка съ корзиною на рынокъ,
Лицо красиво, смугло.

И циникъ отвѣчалъ: „Такъ мыслю. Не иначе“.
Еще одна красавица прошла съ кувшиномъ.
Платоникъ рекъ: „Добро—добро тѣмъ паче“.
Спитъ море. Пахнетъ тминомъ.

Но циникъ возразилъ: „Добро—все, что
угодно!“

Играющіе въ мячъ выходятъ изъ подъ арки.
„Добро и зло приносимъ мы свободно“ . . .
А вѣтеръ мягкій, жаркій.

ШАХЪ МАДПАДАРЪ.

Жилъ шахъ, великій Мадпадаръ,
Въ своей странѣ по милосердью Бога.
Имѣлъ онъ плѣшь, слоновъ и много
Халатовъ, женъ и бахтіаръ.
И какъ ни правилъ онъ, всѣ кто его встрѣчали
„Да здравствуетъ нашъ шахъ!“ ему всегда
кричали.

Гулялъ онъ утромъ по садамъ,
Сидѣлъ подолгу за Кораномъ,
Обѣдалъ днемъ и за кальяномъ
Звалъ мудреца по вечерамъ.
Онъ не любилъ войны, не предавался риску
И по ночамъ къ себѣ на часъ бралъ одалиску.

Разъ двухъ провинцій высохъ грунтъ
И не внесли онѣ налоги.
„Повѣситъ всѣхъ мужчинъ за ноги“,
Рекъ шахъ „и конченъ будетъ бунтъ“.
И тотчасъ-же, во исполненіе шахской мысли,
Всѣ неплательщики внизъ головой повисли.

Шахъ Мадпадаръ разъ захворалъ,
Не помогло ему лѣкарство
И онъ предъ смертью сыну царство
И званье шаха завѣщалъ.
„Не знаю я, за что“, сказалъ при томъ шахъ шаху,
„Мнѣ благодарнымъ быть всесильному Аллаху“.

ГРУСТНЫЙ ГРАНДЪ.

Жилъ музыкантъ когда-то,
Жилъ съ лютней музыкантъ;
Его любилъ, какъ брата,
Угрюмый, знатный грандъ.

Звенѣть на струнахъ лютни
Тотъ самъ, грустя, любилъ,
А музыкантъ лишь плутни
Съ дѣвицами водилъ.

Длиннѣе ночи стали
Подъ осень... Грандъ скучалъ.
Въ печи дрова трещали
И освѣщали залъ,

Рождали отдаленья,
Пугая и маня,
Мгновенныя видѣнья
При бликахъ отъ огня,

А ночи тьма такъ жадно
Приблизилась къ окну,
Невѣдома, громадна .
Какъ жутко одному.

Разстроенный и скорбный
Взялъ тихо лютню грандъ
И крикнулъ, чтобъ проворный
Явился музыкантъ.

Тотъ звонко по ступенямъ
Взбѣжалъ въ пустынный залъ...
„Сыграемъ пѣсню тѣнямъ,“
Нахмурясь, грандъ сказалъ.

Подъ звуки замечтался,
Поникнулъ грандъ челомъ,
И пѣлъ бѣднякъ, смѣялся,
Что тѣни все кругомъ.

Какъ тѣни, всѣ созданья
Бѣгутъ во временахъ...
Что всѣ наши познанья?
Ничтожество и прахъ!

Предъ ямой гробовою
Мы сами тѣнь одна...
У гранда подъ рукою
Тутъ лопнула струна.

Сказалъ грандъ: „Перестанемъ
Что, правда, мы грустимъ?
Мы пѣсню славѣ грянемъ
И шпагой зазвенимъ!“

И пѣлъ бѣднякъ, что чаще
Лишь мучить слава глазъ,
Все въ славѣ преходяще,
Все портить злостью насъ,

Уходить, оставляя,
Надъ нами смѣхъ она . . .
У гранда тутъ вторая
Порвалася струна.

Сказалъ грандъ: „Нѣтъ, не надо!
Что славы лживый видъ?
Пусть доннѣ серенада
На лютнѣ зазвучить.“

И пѣлъ бѣднякъ, что скупы
На ласки жены къ намъ,
Что донны очень глупы
И тягостны мужьямъ;

Есть шипъ на всякой розѣ,
И съ умной донной жить —
Всю жизнь въ красивой позѣ
Предъ нею надо быть.

Какъ мы бы ни старались,
Обманетъ донна насъ . . .
Тутъ струны оборвались
У гранда всѣ заразъ!

Сказалъ бѣднякъ повѣса
Съ смѣющимся лицомъ:
„Споемъ про трепеть лѣса,
Про молодость споемъ,

Про мѣсяцъ, что такъ свѣтелъ,
Про моря злой бурунъ . . . “
Но грандъ ему отвѣтилъ:
„На лютнѣ нѣту струнъ . . . “

КАРДИНАЛЪ РИШЕЛЬЕ.

Разъ голодъ въ Франціи насталь:
Народъ сталъ нищъ, а былъ лишъ бѣденъ.
Кардиналъ Ришелье сказалъ:
„Придется удвоить число обѣденъ.“
Мадамъ Шеврезъ на пышный балъ
Не промѣняетъ сумракъ храма.
Кардиналъ Ришелье сказалъ:
„Печально. Но будетъ другая дама.“
Кюрэ Урбэнъ молву снискаль,
Что онъ для дамъ не безопасенъ.
Кардиналъ Ришелье сказалъ:
„Сожгите Урбэна—не будетъ басенъ.“

МУШКАТЕРЪ.

(Къ картинѣ Мейссонье).

Предъ отпертымъ окномъ, любуясь, какъ
красиво
Заката лучъ багрить граненое стекло,
Усатый мушкатель пьетъ мюнхенское пиво.
А въ комнатѣ уже темно.

Рапира длинная съ витою рукоятю,
Ботфорты тяжкія, позвякиванье шпоръ
И сброшенный кафтанъ. Самъ мушкатель къ
Распятью
Подолгу обращаетъ взоръ:

„Пусть на дуэли мнѣ не одолѣть маркиза,
Пусть жидъ, мой ростовщикъ, получить все съ
меня,
Но пусть скорѣй придетъ хорошенькая Лиза,
Чертовка милая моя...

За это луидоръ я брошу вонъ тѣмъ нищимъ!“
И, покрутивъ усы, веселый мушкатель,
Въ кисетъ шелковомъ, въ штанахъ, за
голенищемъ,
Напрасно ищетъ луидоръ.

* * *

Ахъ, руина была молодою...
Въ вихрѣ танцевъ звенѣлъ этотъ залъ,
Разноцвѣтною знати толпою
И улыбками дамъ онъ блисталъ.

Этотъ замокъ упорно когда-то
Отбивался отъ штурма враговъ,
Здѣсь въ воротахъ сражались солдаты,
Былъ заваленъ убитыми ровъ.

А тюрьмою та башня бывала:
Въ подземельи былъ пажъ заключенъ.
Дочь барона его цѣловала,
И узналъ это старый баронъ.

А теперь здѣсь пастухъ утомленный
Въ жаркій полдень подъ сводами спить
Или путникъ, въ мечты погруженный,
Долго бродить, глядить и грустить.

ВЪ ГЕТТО.

Въ Генуѣ, въ гетто угрюмомъ,
Гдѣ подвижной Израэль
Бродить съ галдѣньемъ и шумомъ,
Въ улицѣ узкой, какъ щель,
Съ умной и ласковой Сарой,
Жилъ, занимая чердакъ,
Вѣчно-задумчивый, старый,
Мудрый раввинъ Исаакъ.
Старшая дочь его, Хая,
Ходитъ къ синьорамъ стирать,
Мера, дочурка меньшая,
Въ кухнѣ должна помогать,
Сынъ его, Борухъ, сгибаетъ
Спину за вѣчнымъ шитьемъ,
Самъ Исаакъ изучаетъ
Тору и ночью и днемъ.

ВЪ ВЕНЕЦИИ.

I.

Кто молчаливѣй и скромнѣй
Послушника Джордано?
Онъ надъ Писаньемъ много дней
Не разгибаетъ стана,
Предъ юной дѣвой капюшонъ
Онъ опускаетъ низко,
Уставу всѣхъ вѣрнѣе онъ
Блаженнаго Франциска.

Но ночь... и ряса спала,
Подъ бархатомъ камзола
Кинжалъ хорошій скрытъ;
Въ тѣмъ узкаго канала
Неслышная гондола
По черни водъ скользитъ.

II.

Несчастлива, но горда жена
Богатаго сеньора.
Какъ долго молится она
Подъ сводами собора!
А дома, на окна гранить
Облокотясь лѣниво,
По цѣлымъ днямъ она молчитъ,
Одна, грустна, красива...